



Б. Н. БУГАЕВ

На перевале. Место анархических теорий в перевале сознания и индивидуализм искусства*

Книгоиздательство «Простор» выпустило сочинение проф. П. Эльцбахера *«Сущность анархизма»*. Разобраны утопии Годвина, Прудона, Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Тукера и Л. Толстого. В лице автора разбираемого сочинения мы не встречаем ни врага, ни защитника анархизма. Везде он пытается систематизировать учения анархизма. Подчас ему приходится вставлять промежуточные звенья между отдельными положениями разбираемых авторов. Нигде нет насилия над мыслью теоретиков анархизма. Труд проф. Эльцбахера есть строго критическое изыскание.

С тем большей очевидностью открывается перед нами Ахиллеова пята¹ анархизма. В анархических теориях нет устойчивого взгляда на право и собственность. Единственная связь между ними заключается в *отрицании* государства. Все попытки положительного построения терпят крушение, ибо построения эти не имеют за собой никакого научного базиса в противоположность социал-демократической программе. Анархизм, восставая против государства, поневоле должен восставать и против материалистического понимания истории. Теоретики анархизма, подобно Кропоткину, окончательно обезоруживают себя перед социал-демократией, когда они пользуются данными эмпирической науки для своих утопий. Теоретики анархизма, подобно Кропоткину, окончательно обезоруживают себя перед социал-демократией, когда они пользуются данными эмпири-

* Проф. Эльцбахер. Сущность анархизма. Кн-во «Простор». 1906 г. П. А. Кропоткин. Речи бунтовщика. «Освобожденная мысль». 1906 г.

ческой науки для своих утопий. Теория анархизма возможна как развернутое единство постулатов критической философии. Но эти постулаты явно религиозны. Анархическая система или есть *contradictio in adjecto*², или она — система религиозная. Между анархизмом и социал-демократией не может быть тогда таких резких конфликтов, какие мы встречаем теперь; области их тупо размежеваны. Анархизм тогда — религиозный купол социального строя будущего; социал-демократии предоставляется возведение фундамента и стен. Иное отношение к социал-демократии бросает современных анархистов в объятия буржуазии. Все выходы против государства не достигают цели.

Сочинение П. А. Кропоткина «*Речи бунтовщика*» есть образец сочинения, в котором высказываются по форме анархические взгляды, по духу же — мелкобуржуазные. Где здесь вескость аргументов? Где положительные данные для оправдания радикальной трескотни автора? Между тем Кропоткин — видный представитель анархизма.

Анархические теории несостоятельны, пока они пытаются позитивно себя обосновать. Между тем анархизм — живой протест личности против государственного гнета. С другой стороны, живая связь людей во имя Единого, отрицающая всякий принудительный принцип, может осуществиться только в последовательно проведенном принципе религиозном. Совместное искание единой цели не может не быть свободно. Организация свободы искания, будучи религиозной, по форме есть церковь. Единая, свободная связь между людьми не может корениться в отдельном только индивидууме, или в сумме индивидуумов; она становится Именем Бога.

Религия, отрицательно определяемая со стороны государственных теорий, всегда — анархия; анархическая община, с другой стороны, возможна только как Церковь. В идее единой Церкви вселенского единения перекрещиваются идеи последовательно развитого анархизма с идеями мистиков. Только с именем Церкви могут защититься достойно анархисты от правых ударов социал-демократии. Анархическая свобода всегда характеризует Церковь, когда она освобождена от государственных пут. С другой стороны, идея свободной связи индивидуальностей, обуславливающая существование анархических общин, есть только замаскированная идея Церкви.

Анархизм есть точка пересечения двух принципов общественного развития: механического (государственного) и органического

(религиозного). Государство и Церковь сталкиваются. Свободная личность есть точка этого столкновения. Вот почему индивидуализм всегда развивается на перевале сознания от одного строя к другому. Эпоха возрождения была эпохой индивидуализма: это была эпоха освобождения государства от опеки ложно понятой Церкви. Анархический бунт против государства в наше время породил расцвет нового искусства. Анархический бунт — или заря нового религиозного возрождения, форма которого — возникновение вселенской церкви, или — пляска дикаря над обломками государственности.

Современному искусству предстоит разобраться в целом ряде вопросов, предъявляемых религиозными и социальными учениями, признающими свою связь с индивидуализмом.

Вчерашний индивидуализм современного искусства жалко выродился. Между тем он дал нам ряды крупных имен. Толпы жалких подражателей и фальсификаторов низвели защиту искусства до пошлых и глупых теперь выкриков о том, что оно — свободно. Индивидуализм, иссякающий в собственных истоках, должно преодолеть. Но как? Доселе индивидуализм преодолевался коллективизмом и универсализмом. Все это сближало эволюцию, происходящую в глубинах индивидуализма, с религией и общественностью. Начались всевозможные синтезы искусства с религией или общественностью. Каждый новый синтез рождал потуги образования новой школы, провозглашавшей кончину индивидуализма. Часто эти новые школы поражали пестротой элементов, которые признавались составными частями школы. Часто синтезы эти оказывались — фикциями; индивидуализм не преодолевался, а прикидывался здесь коллективизмом, там — новым религиозным сознанием. Там же, где он действительно уступал место религии или общественности в искусстве и критике, перед нами возникали не новые принципы всеобщей красоты, а жизнью сданные в архив схемы и утопии, разбитые как экономической наукой, так и точными изысканиями в области науки, философии, истории, религии. В первом случае синтезы оказывались фикциями, во втором случае они припахивали затхлостью и гнилью. Так предавали индивидуализм в попытках преодолеть его изнутри.

Мы переживаем эпоху разочарования как в индивидуализме, так и в самоновейших коллективистических, религиозных и мистико-анархических теориях. Мы должны поэтому рассматривать

новые истины и школы не как знамена, за которыми следует идти, а как объекты исследования.

Мы выстрадали себе право на осторожность и недоверие: ведь мы одни из первых индивидуалистов стали сознавать узость индивидуализма. Но в то же время горьким опытом убедились мы в пустоте и подчас шарлатанстве преодолений того истинного, что получили мы в наследство от Канта, Гете, Ницше, Ибсена. Но и не пришли к выводу, что надо оставаться с индивидуализмом. Мы хотим только указать, что индивидуализм — верная цитадель, которую не следует покидать преждевременно и без особой осторожности.

Но еще более нам претят тупо безвкусные выкрики о свободе искусства всех тех, кто сам не пережил ни кризиса позитивизма, ни кризиса идеализма, ни кризиса индивидуализма. Сердце их не обливалось кровью и все вопросы превратили они в декадентское бильбоке. Презрение ломакам, опозорившим мечты Ницше и Уайльда!

